

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОММУНИКАЦИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО МИРА

Глобализация, охватившая самые разные стороны общественной жизни, сегодня определяет основу жизни мирового сообщества – его экономический, социальный, информационный, культурный климат. Резкое расширение пространства коммуникаций между странами, культурами, религиями, политическими системами открывает как вражду и непримиримость, так и новые направления партнерства и сотрудничества. Сегодня возникает необходимость эффективного регулирования этих процессов через рост наднациональных систем, в пространстве которых они упорядочиваются и приобретают общее направление своего развития: возникающие метасистемы – эффективное преодоление социального хаоса.

К л ю ч е в ы е с л о в а: глобализация, метасистемы, экономический, социальный, информационный, культурный климат, информационная и коммуникационная картины, общество, национальные системы.

*M. Buzskiy, D. Brusilovskii,
Y. Mescheryakov, O. Angel*

INTERCULTURAL COMMUNICATION IN THE MODERN WORLD

Globalization, covering the different aspects of social life today determines the basis of the world community – its economic, social, informational, cultural climate. The sharp expansion of space of communication between countries, cultures, religions, political systems reveals how the hostility and intransigence, and the new areas of partnership and cooperation. Today, there is a need for effective regulation of these processes through the growth of a supranational system, in the space which they are ordered and acquire the General direction of its development: the emergent metasystems is the effective overcoming of social chaos.

K e y w o r d s: globalization, metasystems, economic, social, informational, cultural climate, information and communication paintings, society of the national system.

Процесс глобализации, охвативший самые разные стороны общественной жизни, сегодня определяет основу жизни мирового сообщества – его экономический, социальный, информационный, культурный климат. Резкое расширение пространства коммуникаций между странами, культурами, религиями, политическими системами открывает как вражду и непримиримость, так и новые направления партнерства и сотрудничества. Сегодня возникает необходимость эффективного регулирования этих процессов через рост наднациональных систем, в пространстве которых они упорядочиваются и приобретают общее направление своего развития: возникающие метасистемы – эффективное преодоление социального хаоса.

Новая ситуация заключается в том, что впервые в международном сообществе его *отношение к самому себе* становится важнейшим и определяющим, поскольку именно в этом исходном пункте сегодня закладываются основы и перспективы мирового развития. Сегодня это самоопределение человечества в значительной мере искажается его системно-технологическим «наполнением», преобладание которого порождает социальное отчуждение и стандартизацию массового сознания людей, господство таких регулирующих инструментов, как массовая культура, рыночная среда и др., разрастание глобальных информационно-коммуникационных сетей. Однако *все более осязаемым* становится собственное движение локальных миров, порождая системы межкультурного взаимодействия и партнерства.

Таким образом, отношение человечества к самому себе сегодня происходит на системном уровне, ориентированном на устойчивость и внутреннюю гармонизацию (то есть эти тенденции заданы свойствами самой общественной системы), а на более частном – личном и групповом уровнях, включая и социальные общности, – состояние постоянной конкуренции кроме инновационных изменений создает ситуации и общий контекст сохранения неопределенности и хаоса. Именно в плане позитивного разрешения этого противоречия важными задачами становятся выделение и поддержка именно тех движений и локальных инициатив, которые «работают на систему», расширяя упорядоченное и согласованное социокультурное пространство партнерства и диалога стран и народов. И среди различных локальных процессов, которые в своих конкретных целях

выступают проводниками общесистемных целей и требований достижения единства мирового сообщества, можно выделить *межкультурные коммуникации*.

Сегодня межкультурные коммуникации исследуются в большей мере на уровне конкретно-эмпирическом: развитие международного культурного туризма и его формы, программы обустройства беженцев, переселенцев, изучение особенностей психологии, символики и менталитета представителей разных культур, межкультурная предпринимательская деятельность и бизнес, государственная межкультурная политика и т. д. Общей причиной этого является недоразвитость самой концепции межкультурных коммуникаций, требующей разработки современной информационно-коммуникационной картины мира как особой культурно-смысловой «проекции» процесса глобализации.

Тем не менее исследования особенностей социальных и социокультурных коммуникаций в направлении их концептуализации проходят сегодня весьма активно. Сегодня приходит осознание того, что эти коммуникации выражают системно организованное *пространство глобализации* на каком бы частном уровне они не проходили. Поэтому разработка концепции социокультурных коммуникаций должна быть направлена не только на прояснение их собственных особенностей, но и на задание ориентиров, которые бы обеспечивали разрешение современных внутренних противоречий информационного общества в направлении гуманизма и укрепления роли культуры. Но для этого сама социокультурная система должна вывить свою роль в регулировании направленности динамики всего общества. Можно поддержать позицию О. Д. Шипуновой, которая отмечает, что «коммуникативный подход позволяет увидеть в концепте социального порядка неоднозначную взаимосвязь сакрального, социального и экзистенциального. Стратегической линией этой взаимосвязи выступает трансляция смысла» [1, с. 7]. Но поскольку смысл – важнейшее содержание социокультурных коммуникаций, то их особенность в том, что здесь основой является «субъект-субъектное взаимодействие, опосредованное информацией, имеющей смысл для обоих субъектов» [2, с. 53].

Идея о межсубъектной основе диалога активно анализируется еще в советской философии. Так, А. М. Коршунов и В. В. Мантатов,

подчеркивают, что в диалоге «сам объект исследования имеет субъективное измерение», то есть «субъект познает субъект». А чтобы познать другой субъект, «надо вступить с ним в диалогическое отношение». Только в процессе диалога личностей и сознаний возможно постижение субъективного мира: «один субъективный мир раскрывает свои смысловые глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим миром» [3, с. 166].

Именно смысл таких коммуникаций, их направленность на солидарность и сотрудничество, охватывающая более широкое пространство, приобрели сравнительно давно позитивную оценку, в частности, в идеях прогрессивных русских и европейских мыслителей. Так, русские мыслители трактовали солидарность как взаимоподдержку (П. Л. Лавров), взаимопомощь (П. А. Кропоткин), кооперацию (Н. К. Михайловский, Л. И. Мечников). Западные идеологи социального партнерства также опирались на идеи о любви и братстве, предлагая установление отношения равенства между всеми классами в обществе путем введения общего права, организации труда, распределения богатств (Л. Блан), объединения в артели (П. Прудон), учреждения производительных ассоциаций (Ф. Лассаль).

Итак, социальные и социокультурные коммуникации имеют на уровне бытия (а не просто каких-либо конкретных задач) гуманистическую направленность, ориентируясь на социальную солидарность и социальное партнерство. Отсюда открывается их важная функция – в расширении масштаба и уровня пространства согласия, солидарности, что осуществляется на основе **диалога** – такой формы общения, в ходе которой взаимодействующие субъекты приходят к истине более высокого порядка, изменяя свои исходные позиции, и именно потому, что новые идеи обеспечивают единство и взаимосвязь участников диалога, *становятся основой устойчивого социального партнерства*. Именно онтологическая основа диалога становится основой расширения его коммуникативно-смыслового пространства, формируя взаимопонимание и партнерские позиции сторон. Осознавая как выражение интересов и проблем участников диалога, в объективном контексте все это выступает как проявление системного регулирования межсубъектных коммуникаций, направленных на согласование в контексте выявленных общих целей. Поскольку тенденция любой системы – упорядочивать

свое содержание и повышать уровень устойчивости собственного бытия, то важным направлением здесь и является особая «синхронизация позиций» субъектов социальных и культурных (как и других) коммуникаций.

Всего вышеизложенного достаточно, чтобы проанализировать *внутренний смысл*, направленность и функции межкультурных коммуникаций, их роль в современном мировом сообществе.

Прежде всего, субъектами таких коммуникаций являются конкретные культуры тех или иных народов. Сегодня понятие «культура» – одно из самых емких и неисчерпаемых, оно насчитывает сотни подходов и определений. Можно исходить из того, что культура – это особый образ жизни конкретного народа или сообщества, способ организации его духовно-смыслового единства и особого ценностного, языкового пространства, в котором это единство осуществляется. Культура – это вместе с социумом важнейшее направление личностной идентичности, которая достигается в процессе социализации индивидов. Культуры – это огромные духовно-символические миры, которые рождают свои смыслы, системы мировоззрения, духовные и символические ориентиры жизни людей. Поэтому межкультурное общение, коммуникация – это сложнейший процесс пересечения различных целостных миров, в которых происходит процесс взаимного узнавания, понимания и признания их носителей (жителей этих миров как представителей конкретных культур).

Сегодня в философской литературе утвердилась позиция, что *цель межкультурных коммуникаций – понимание*, выявление смысла, а *форма* осуществления этого процесса – *диалог*. Так, В. С. Библер отмечает: «XX век выявил необходимость общения (а не гегелевского “снятия”) уникальных, несводимых друг к другу, но – диалогически обращенных друг к другу культур, – каждая из которых всеобща и бесконечно богата потенциальными смыслами (античная, средневековая, нововременная, современная культура, культуры Запада и Востока). Необходима логика мышления как логика общения таких исторических культур, и – культур возможных, еще не осуществленных» [4, с. 37]. Понять иную культуру – это не просто сделать ее предметом и содержанием своего знания, – считает Библер, но «это означает... относиться к ней как к чему-то совершенно иному, чем “Я”, чем мое мышление, мое культурное бытие».

Чем больше я понимаю иную культуру (трагедию Эсхила, «Гамлета» Шекспира, «Блудного сына» Рембрандта, «Критику чистого разума» Канта), тем более я выявляю, что мне непонятно, но необходимо для моего бытия, «моей духовной определенности». Этот парадокс существует и в личном общении: понимание существует до тех пор, пока есть непонимание, то есть «разумение того, что это – иной человек, иная духовная вселенная, запредельная для моего бытия» [4, с. 38].

Здесь выявлены некоторые онтологические особенности диалога культур: понимание в контексте «непонимания» – это как раз особое соизмерение сознания и бытия. Мое понимание других культур как раз возможно на фоне того, что их собственное бытие гораздо более сложное и многомерное, чем рамки моего восприятия последнего. Однако современное информационное общество накладывает и свое собственное ограничение на особенности восприятия и понимания других культур: здесь начинает выявляться некоторый «инструментальный» подход, в котором приоритет получает не духовное начало, а некоторые системные «срезы» и воздействия. Так, Л. А. Орнатская, рассматривая представления о диалоге культур в отечественных исследованиях, отмечает: «В отечественной литературе термин “диалог культур” чаще всего используется как метафора для обозначения влияния одной культуры на другую. Идея “взаимности” подтверждается очень редко. Между тем диалог культур предполагает наличие двух субъектов, двух полюсов взаимодействия. При этом делается акцент на заимствовании: диалог есть там, где есть заимствования. Но поскольку не всякие взаимодействия культур можно объявить диалогом (многие из них носят “монологичный” характер и связаны с различного рода насилием), в практике конкретных исследований культурный диалогизм связывают с теми заимствованиями, которые делаются добровольно. Но добровольность заимствований не всегда можно установить. Вспомним сетования А. И. Герцена о том, как насаждалась картошка во Франции и в России. В России – насильственно, а во Франции – хитростью (“с умом”), но добровольно ли? Такие механизмы заимствований, как подражание, оболъщение, комплексы по поводу более сильной культуры, трудно однозначно оценить по критерию добровольности не только потому, что они могут использоваться

в манипулятивных целях, но и потому, что они предполагают минимум этой самой воли. Впрочем, главное не это. Когда проблема диалога культур отождествляется с проблемой взаимовлияний и культурных контактов, она теряет свое “экзистенциальное” содержание. Главный вопрос не в том, что какая-то культура что-то заимствовала у другой и в свою очередь чем-то поделилась с ней, а в том, способствовали ли эти контакты и заимствования утверждению ее самобытности, а в принципе – выживаемости. В диалоге культура отстаивает свое право на существование, на самостоятельность и особость. Выборочные, фрагментарные факты заимствований сами по себе не говорят ни о чем, кроме констатации этих заимствований» [5, с. 53–54].

Здесь авторы имеют в виду то, что частные проявления межкультурных коммуникаций могут быть осмыслены с более общей позиции целостности.

Какие же социальные общесистемные процессы и формы их выявления сегодня открываются через осуществление социокультурного диалога и закрепляющего результаты последнего – партнерства? Здесь важно обратить внимание на актуализацию исследований в контексте решения проблемы культуры согласия. Идея международного согласия, ориентированная на разрешение противоречий, сегодня осознается не только как некий идеал, но и как практика предотвращения серьезной кризисной ситуации, которая угрожает самим основам человеческой цивилизации. Так, разрешение в 1962 г. СССР и США известного Карибского кризиса на основе взаимной договоренности об отводе Вооруженных Сил от линии их соприкосновения стало реальным способом предотвращения мировой ядерной войны с чудовищными последствиями для всего человечества. Сегодня возникла актуальнейшая задача преодоления международного терроризма на основе такого согласия, которое предполагает не только технологический и политический расчет, но и учет культурно-гуманистических перспектив и требований существования современного мирового сообщества. Становится все более очевидным, что в основе социальной жизни принцип согласия становится уже объективным регулятивным механизмом, без которого невозможно достижение современных условий и форм мирного сосуществования стран и народов. А здесь *межкультурный*

диалог как раз формирует и воспитывает доверительные отношения между странами и народами, между организациями и правительствами, ориентированными на взаимопонимание, доброжелательность и взаимную ответственность.

Межкультурный диалог как проявление современного глобального системного воздействия все еще недооценивается как важный «срез» формирования культуры согласия, которая рассматривается со стороны гражданско-политического содержания. Так, в работе Д. И. Плетнева «Гражданская культура как культура согласия общества и государства» (2005 г.) раскрыты главные механизмы достижения согласия и согласованных взаимодействий институтов гражданского общества и государства. На этой основе автор определяет гражданскую культуру личности как сформированную «на признании ценности согласия и справедливости в социальном сотрудничестве, базирующемся на публичности и открытом обсуждении всех социальных и культурных проблем, личностном соблюдении норм права и действия в рамках правовых отношений, толерантности и чувства солидарности по отношению к другим» [6, с. 120].

Гражданская культура личности в контексте культуры согласия без своего культурно-диалогического «среза» оказывается незавершенной, так как без этого гражданская культура личности лишается своего существенного ценностно-гуманистического измерения. Близкой к этой позиции является трактовка культуры согласия М. П. Меняевой, которая в своей диссертации отмечает, что «отношения согласия, базирующиеся на ценностях ненасилия, справедливости, милосердия, толерантности и т. д., необходимы на всех уровнях человеческого бытия (индивидуальном, надиндивидуальном, глобальном). Их значимость заключается в обеспечении стабильности и безопасности человеческого существования, сохранении целостности мира во всем его многообразии, тем самым устойчивого развития» [7, с. 16]. Уточняя это понятие, автор пишет: «культура согласия может быть представлена в двух планах. Она является способом организации человеческого со-бытия с целью обеспечения безопасности, выживания, созидания жизни и устойчивого развития, а также способом персональной идентификации, благодаря которому в ходе единения человека с другими происходят осознание и понимание человеком самого себя, без чего невозможно

выстраивание индивидуального “мира человека” и его обогащение. Поэтому культура согласия конструктивна» [7, с. 18].

Таким образом, культура согласия выступает по сути как некоторое глобально направленное образование, в котором интегрируются те общепланетарные (системные) направления и уровни социально-культурных коммуникаций, в которых возникают и укрепляются надрегиональные механизмы регулирования современных международных процессов в их целостности и многообразии. Этот контекст оказывается очень важным и с точки зрения обеспечения освоения содержания межкультурных коммуникаций. «Диалогический подход при этом предполагает возможность увидеть чужую культуру не как мир объектов, “фактов культуры”, упорядоченных монологической мыслью ученого, а как мир “взаимно освещающихся сознаний, мир сопряженных смысловых установок”, то есть заставить ее говорить многими голосами, “оживить”» [5, с. 54]. Это, в принципе, означает, что «диалог культур, если брать его этическую составляющую, это не столько факт сегодняшнего дня, сколько проект, пытающийся реализовать одну из возможностей человеческого бытия: жить в мире с другими культурами, не поступаясь собственной, реализация которого требует огромных волевых, интеллектуальных, социальных и политических усилий» [5, с. 60].

Как результат межкультурного диалога, формируется более высокий уровень их взаимодействия, который представляет собой продукт особого социокультурного *воспроизводства*. Последнее представляет собой реальную деятельность и общение субъектов культуры – индивидов, групп, организаций, этносов, наций – в сфере осуществления межкультурного диалога. Здесь создается сложный комплекс межкультурных согласований и идентификаций – от выработки общей платформы – позиции по отношению друг к другу и к современности – до частных договоров по культурному туризму, образовательным программам, организации выставок и презентаций, научным исследованиям.

Так, личностная идентификация в процессе межкультурного общения представляет собой «сложный идейно-психологический феномен, в котором интегрируются эмоциональное и рациональное, психологическое и идеологическое, многие свойства, качества, особенности личности и общности»; осуществляется «не только

соотнесение, отождествление людей с соответствующей общностью, но и *представления о самой общности*: «образ мы» включает представления о себе и о других, а также и характеристики данной группы – культура, язык, территория, государство, история». Важным аспектом идентичности являются «разделяемые группой чувства – этнические (в случае этнической общности) или к своей стране, государству, гражданам государства, а также определенные действия людей... В структуре идентичности неотъемлемым является идеологический компонент» [8, с. 203–204].

Освоение потенциала межкультурного общения (диалога) имеет много различных направлений: формирование и осуществление культурной и межнациональной политики, разработку и внедрение инновационных моделей современного образования, развитие международного культурного туризма, совместных научных исследований и др. Здесь можно выделить международный, межрегиональный и локальный уровни.

Так, на международном уровне межкультурный диалог позволяет формировать общественное мнение по ряду важных проблем современности, формировать различные фонды поддержки культур стран третьего мира, организовывать международные конгрессы и фестивали, активно сотрудничать с ЮНЕСКО и другими организациями.

Пожалуй, один из самых ярких примеров сотрудничества ЮНЕСКО, Альянса цивилизаций ООН, ИСЕСКО, Всемирной туристской организации ООН и Совета Европы – III Всемирный форум по межкультурному диалогу в Азербайджане. Этот форум проводился 18–19 мая 2015 г. под лозунгом: «Поделитесь культурами для совместной безопасности». Особо следует отметить академический форум кафедр ЮНЕСКО по межкультурному и межрелигиозному диалогу в рамках бакинского форума. На академическом форуме 19–20 мая 2015 г. международная, межправительственная сеть кафедр ЮНЕСКО (ЮНИТВИН) ознакомилась с проектами и состоянием исследований Международного центра межконфессионального и межкультурного диалога имени короля Абдаллы ибн Абдель Азиза. Кафедры ЮНЕСКО способствуют укреплению мира и являются ключевым звеном в развитии межкультурного и межрелигиозного диалога среди научных кругов, исследователей, политиков и гражданского общества. Другим позитивным примером

является активное сотрудничество ЮНЕСКО с Казахстаном в деле продвижения диалога религий и культур. Напомним, что Международное десятилетие сближения культур (2013–2022 гг.) было провозглашено резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 67/104 о поощрении межрелигиозного и межкультурного диалога, взаимопонимания и сотрудничества на благо мира, принятой в декабре 2012 г. в соавторстве с Казахстаном, где ЮНЕСКО назначена в качестве ведущего учреждения. Казахстан был ключевым инициатором провозглашения ООН Международного десятилетия сближения культур (2013–2022 гг.) и Съезда лидеров мировых и традиционных религий. Еще одним важным событием в активном продвижении межрелигиозного и межкультурного диалога являются I и II Всемирные игры кочевников в Кыргызской Республике. В 2016 г. в рамках культурной программы на II Всемирных играх кочевников тысяча кыргызстанских комузистов впервые сыграла композицию «Маш Ботой» Атая Огонбаева, а каждый народ продемонстрировал свои традиции и обычаи [9].

На межрегиональном уровне речь идет о культурной политике внутри страны (или между конкретными странами), в которой основными проблемами являются «культурное выравнивание» этносов и малых народов, налаживание культурного диалога между городской и сельской культурой, центром и периферией страны. Для современной России огромное значение имеет решение проблемы нахождения культурно-идеологической символики наднационального и надэтнического уровней. Действительно, для духовно-морального единства страны очень важно нахождение такого смысла и содержания общероссийского культурного пространства, которое бы с позиции целого выражало самобытность и социокультурную идентичность России. На этой основе может быть прояснена современная российская идеология, международная миссия страны.

Складывание культурного пространства межрегиональных связей в силу своей общесистемной (в контексте глобализации) «привязки» открывает те объективные тенденции диалога, партнерства, согласований, которые должны быть освоены в хозяйственно-экономических, социальных, экологических, управленческих и других формах реализации. На локальном уровне межкультурный диалог всегда востребован как форма общения различных диаспор, этносов, общностей, как друг с другом, так и с администрацией области

и города. На его основе раскрываются субъектный статус данной территории (региона, города), его роль в развитии страны, участия в различного рода исторических событиях и проблемах.

Потребность в осуществлении и освоении межкультурного диалога требует повышения уровня образованности его субъектов – обучение культуре диалогического общения как исходного умения жить в условиях гражданского демократического общества. На уровне межличностного общения диалог является источником и основой решения ряда воспитательных задач. Так, главными задачами межкультурного диалога как способа учебного межличностного взаимодействия и способа обучения будут следующие:

1. Предоставление новой информации партнерам по общению с целью преодоления разрыва в знаниях. Но это требование является актуальным не только для преподавателя и студентов, но и для общения хозяйствующих субъектов, поколений, администрации и общественности. Обмен информацией – это способ воздействия на «принимающую» сторону, что выстраивает новые позиции всей системы управления в регионе.

2. Выработка общего понимания, установление единого смыслового поля через поиск личностных смыслов и интерпретацию. По мысли В. И. Карасика, диалог не сводится только к обмену смыслами, а предполагает «установление общего смыслового поля, важнейшими компонентами которого являются относительно устойчивые ментальные образования, полученные в результате индивидуально взаимодействия человека с окружающей средой» [10, с. 61].

3. Актуализация диалогического мышления обучаемых с целью развития их знаний, представлений на основе операций анализа, сравнения и обобщения. На основе диалога происходит также выработка личностных смыслов, ценностных суждений и отношений, что позволит глубже раскрыть индивидуальность каждого из субъектов – участников диалога.

Для межкультурного взаимодействия в отличие от политического, экономического, организационного и других характерно то, что «передача информации между коммуникантами осуществляется на определенном эмоциональном фоне и сопровождается выражением собственной позиции и оценки по отношению к высказываемому» [11, с. 46–47].

Высказанные здесь соображения об особенностях межкультурных коммуникаций и их воздействии на современные процессы разных уровней, конечно, не исчерпывают этой сложной темы и требуют своего продолжения в исследованиях. Однако выделенные авторами принципиальные моменты – связь межкультурных коммуникаций с процессом современной глобализации, диалоговая основа этих коммуникаций, их способность выражать объективные общесистемные тенденции – имеют методологическое значение и должны учитываться в последующих направлениях анализа данной темы.

Список литературы

1. *Шинунова А. Д.* Коммуникативная стратегия – код социального порядка // Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды III Международной научно-теоретической конференции. – СПб. : Изд-во политехнического ун-та, 2010.
2. *Гавра Д. П.* Основы теории коммуникации. – СПб. : Изд-во «Питер», 2011. – С. 53.
3. *Кориунов А. М., Мантатов В. В.* Теория отражения и эвристическая роль знаков. – М. : Изд-во Москов. ун-та, 1974. – 214 с.
4. *Библер В. С.* Из «заметок впрок» // Вопросы философии. – 1991. – № 6. – С. 15–45.
5. *Орнатская Л. А.* Межкультурный диалог: проблемы и перспективы исследования // Вестник Санкт-Петербургского университета. Культурология. Серия 6. Вып. 1. – СПб., 2014. – С. 48–61.
6. *Плетнев Д. И.* Гражданская культура как культура согласия общества и государства : дис. ... канд. филос. наук. – Томск, 2005. – 137 с.
7. *Меняева М. П.* Культура согласия: сущность, становление, воспроизводство : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – Челябинск, 2015.
8. *Лескова И. В.* Социокультурная идентичность: теоретические и прикладные аспекты // Социальная политика и социология. – М., 2007. – № 3.
9. *Брусиловский Д. А.* Возможности ислама в контексте внутррелигиозного, межрелигиозного и межкультурного диалога в современную эпоху // Общество: философия, история, культура. Вып. 10. – Краснодар, 2016.
10. *Карасик В. И.* Этноспецифические концепты // З. Д. Попова и др. Введение в когнитивную лингвистику : учеб. пособие / отв. ред. М. В. Пименова. – Кемерово : Кузбасвузиздат, 2005. – С. 61–105.
11. *Аганова С. Г.* Основы межличностной и межкультурной коммуникации (английский язык) / Серия «Высшее образование». – Ростов н/Д. : Феникс, 2004. – 288 с.